
АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН
Серия книг «У истоков легенды»
Первый самурай
Он приехал в Японию ради одного боя.
Судьба приготовила ему целую эпоху.
КНИГА ПЕРВАЯ

Александр Ладогин

Первый самурай

«Автор»
2026

Ладогин А.

Первый самурай / А. Ладогин — «Автор», 2026

Март 2025 года. Российский боец смешанных единоборств приезжает в Японию для участия в международном турнире. Однако посещение древнего святилища в день весеннего равноденствия навсегда меняет его судьбу.Один шаг — и привычный мир исчезает. На дворе 1025 год. Япония эпохи Хэйан, юный император, могущественные аристократические дома, дворцовые интриги и суровые законы чужой эпохи.Здесь его сила вызывает восхищение, знания — удивление, а происхождение порождает загадочные слухи. Здесь он встретит прекрасную принцессу, любовь к которой бросит вызов многовековым традициям.Но самое потрясающее открытие ждёт его, когда японцы, узнав, что чужеземец родом с Амура, дают ему новое имя — Самурай. Он прекрасно знает значение этого слова, вот только в Японии, в которую он попал, оно ещё никому не известноНеужели судьба забросила его на тысячу лет в прошлое, чтобы именно он стал родоначальником великой воинской традиции?

© Ладогин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний день будущего 5
Глава 2. По другую сторону камня 13
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Александр Ладогин
Первый самурай

Глава 1. Последний день будущего

15 марта 2025 года. Япония

Когда самолёт начал снижаться, Александр Громов убрал книгу и придвинулся к иллюминатору. Под крылом простиралась вода, на которой даже с такой высоты различались белые следы судов. Затем показался берег. Дома, дороги, какие-то прямоугольные сооружения у самой кромки моря – всё было настолько мелким, что трудно было поверить в существование людей внутри этой аккуратно расчерченной земли.

Больше всего хотелось распрямить ноги. При росте метр девяносто два даже относительно удобное кресло через несколько часов превращалось в испытание. Сосед, пожилой японец, всю дорогу старательно держался в пределах собственного места, словно между ними лежала невидимая перегородка, и Александр тоже не занимал лишнего. К концу полёта он был сложен, как складной метр.

— Ну что, Сань, – негромко произнёс сидевший через проход Виктор Андреевич, когда самолёт коснулся полосы, – приехали. Теперь не вздумай простудиться.

— А я уже собирался искупаться.

Тренер глянул на него поверх очков.

— После воскресенья хоть на Северный полюс.

Они знали друг друга больше пятнадцати лет. За это время Виктор Андреевич успел поседеть, обзавестись очками на шнурке и совершенно перестал повышать голос на тренировках. Александр из долговязого подростка превратился в тяжеловеса: сто восемь килограммов, мастер спорта по смешанным единоборствам, десятки любительских боёв. Профессиональных не было ни одного.

В Хабаровске его иногда узнавали на улице, за пределами Дальнего Востока почти никто. Ещё год назад о бое за границей он не мог и мечтать, но осенью им заинтересовался менеджер, работавший с азиатскими промоушенами. Он пересмотрел записи, приезжал на тренировку, долго беседовал с Виктором Андреевичем, и к зиме у них был план на два сезона: дебют, несколько боёв с растущим уровнем соперников и, если повезёт, контракт с крупной организацией.

Дебют назначили на воскресенье, двадцать третье марта: большой вечер ONE 172 в Saitama Super Arena: в заявленной программе четырнадцать поединков, пять из них титульные, в главном бою японец Такэру Сэгава против тайца Родтанга Джитмуангнона. Александра в афишах не было и быть не могло. Менеджер договорился о пробном бое тяжеловесов до начала основной программы, ещё до открытия дверей для зрителей, без гарантии трансляции, зато под присмотром людей из промоушена. Любительские победы ничего не гарантировали. Зато теперь он мог написать первую строку в профессиональном рекорде.

В аэропорту ждали багаж. Молодой сотрудник у ленты разворачивал каждый неудобно лежавший чемодан ручкой наружу, чтобы владельцу было проще его снять, и делал это с таким старанием, словно от положения каждой сумки зависело нечто важное. Работа была монотонная, никто из стоявших рядом не обращал на неё внимания, а парень всё равно делал её на совесть. Александр наблюдал за ним несколько минут.

— Наши! – сказал Виктор Андреевич.

Александр подхватил оба больших чемодана.

— Дай один сюда. Я тебе не пенсионер.

— Вот и не мешайте молодёжи работать.

Тренер всё-таки отобрал свой чемодан. Он болезненно относился к попыткам облегчить ему жизнь, хотя последние два года после долгой ходьбы у него заметно болело правое колено. Уговаривать его обратиться к врачу было бесполезно: он терпеливо выслушивал советы и отправлял советчика заниматься собственными делами.

Уже в машине, по дороге в гостиницу в Сайтаме, Александр написал матери, что долетел. Ответ пришёл почти немедленно: она попросила фотографию из окна. Он снял дорожную развязку, кусок серого неба и несколько высотных зданий.

«Красиво», – написала мать.

На фотографии, откровенно говоря, не было ничего красивого. Но она ждала её не ради японских архитектурных достопримечательностей.

Александр убрал телефон и стал разглядывать проплывавшие за стеклом улицы. До поединка оставалось восемь дней. Впервые за последние месяцы ему показалось, что можно немного расслабиться.

* * *

На третье утро Виктор Андреевич остановил тренировку раньше, чем Александр рассчитывал.

— Всё. Сними перчатки.

— Мы же ещё не закончили.

— Хватит. Я посмотрел, что хотел.

В небольшом зале, предоставленном организаторами для подготовки участников, было тепло. Александр успел вспотеть, но не чувствовал настоящей усталости. Ему хотелось про-

должить работу, хотя он прекрасно понимал, почему тренер не позволял этого делать. Основная подготовка закончилась ещё дома. Теперь оставалось сохранить форму, выспаться, не подхватить инфекцию и не получить травму по собственной глупости.

Молодой японский спортсмен, помогавший ему работать на тренировке, снял защитный шлем и поклонился. Александр ответил тем же, поблагодарил его по-английски и уже собирался отойти, когда заметил на его предплечье старый хирургический рубец.

— Локоть? – спросил он, показав на шрам.

Японец кивнул, согнул руку и объяснил на смеси английского и японского: операция была года два назад, восстанавливался долго. Александр спросил, не беспокоит ли рука теперь. Парень улыбнулся и несколько раз сжал кулак.

— Good. Strong.

— Береги, – сказал Александр по-русски и, спохватившись, добавил: – Take care.

В раздевалке Виктор Андреевич протянул ему бутылку воды и сел на скамью.

— Нервничаешь?

— Пока нет.

— Хорошо. А то ты сегодня первые пять минут работал так, будто хотел выиграть чемпионат мира прямо в этом зале.

Александр вытер лицо полотенцем. Спорить не хотелось: тренер был прав. В последние дни он слишком часто возвращался мыслями к воскресному дню, к свету над ареной, к незнакомой публике. Он мысленно перебирал варианты начала поединка. Он знал, что настоящие события всё равно пойдут иначе.

— Помните, как я первый раз в Благовещенск ездил? – спросил он.

— Ещё бы. Ты там перед соревнованиями три раза в туалет бегал, а потом забыл, куда тапки положил.

— Два раза.

— Значит, один я пропустил.

Александр рассмеялся. Тогда, в четырнадцать лет, он проиграл свой первый по-настоящему важный поединок. Соперник был ниже, коренастее и увереннее. После поражения Александр не мог заставить себя взглянуть на тренера: ему казалось, что месяцы работы пропали зря и теперь Виктор Андреевич наконец поймёт, с кем связался.

Вместо выговора тот купил ему пирожок на вокзале и всю дорогу домой расспрашивал, что случилось на ковре. Не кто виноват, не почему ошибся судья, а в какой момент Александр перестал понимать, что делает соперник. Этот разговор оказался полезнее многих последующих побед.

Виктор Андреевич никогда не мешал ему учиться у чужих специалистов, а иногда сам искал людей, у которых воспитанник мог взять то, чего не умел он. Только много позже, начав помогать с младшими, Александр понял, сколько уверенности в себе для этого нужно.

Последние четыре месяца готовились уже под профессиональный формат: другие раунды, другое распределение сил, борьба без куртки, партер без потери контроля. Виктор Андреевич следил главным образом за тем, чтобы ученик не прикрывал технические ошибки природной силой, и нарочно сводил его с лёгкими, но верткими партнёрами. Зимой тренировочный день нередко делился надвое: утром физическая подготовка и отдельные элементы, вечером работа с партнёрами разной комплекции. На спаррингах Александру случалось уступать гораздо более лёгким, и тренер считал такие занятия полезнее тех, после которых воспитанник уходил довольным собой. К марту нагрузку снизили. Всё, что можно было исправить до дебюта, исправили; становиться другим бойцом в последнюю неделю было бессмысленно.

Телефон Виктора Андреевича коротко завибрировал. Он прочитал сообщение и поджал губы.

— Опять наш японец. Температура держится. Врачи пока не дают добро.

— А замена?

— Есть бразилец, он сейчас в Азии, тренировался под другой турнир. Менеджеры разговаривают. Думаю, к пятнице или субботе определятся. Пока готовься к обоим вариантам.

Александр кивнул. Записи боёв японского тяжеловеса он изучил ещё дома, о бразильце же было известно лишь, что тот хорошо подготовлен в борьбе. Главное, чтобы бой вообще состоялся: имя человека в противоположном углу давно перестало иметь для него значение.

— У меня просьба, – сказал он, застёгивая сумку. – В четверг хочу в Киото съездить.

Тренер поднял брови.

— Далековато для прогулки.

— На синкансэне чуть больше двух часов от Токио. После утренней тренировки поеду, вечером вернусь. Весь день лежать в гостинице ещё хуже. Вы же сами говорите, что надо отвлекаться.

— Я говорю, что надо отдыхать. Это несколько разные вещи.

— До пятницы от меня ничего не требуется, кроме тренировок. Если с соперником решится, я на связи. Когда ещё получится побывать в Киото?

Александр достал телефон, показал предполагаемый маршрут. Виктор Андреевич изучил его с таким вниманием, словно ему предлагали утвердить план международной военной операции.

— Не устраивай пеший марафон. Ничего подозрительного не ешь. И в пятницу утром чтобы был в зале.

— Договорились.

— Билет обратно сразу купи. Если задержишься, предупреди.

— Конечно.

* * *

В среду вечером Александр разговаривал с родителями. В Хабаровске было на час больше, чем в Токио. Мать сидела на кухне, отец возился где-то за пределами экрана и время от времени подавал голос.

— Покажи хоть номер, – попросила мать. – А то я кроме твоего лица ничего не вижу.

Александр повернул телефон. В кадр попали кровать, открытый чемодан, спортивные сумки и окно с видом на соседнее здание.

— Господи, Саша, у тебя вещи даже в Японии разбросаны!

— Мам, я их собираю!

— Ага. Тридцать лет собираешь!

Отец втиснулся в кадр рядом с ней и спросил, можно ли будет посмотреть трансляцию. Александр объяснил, что основной турнир покажут, а его бой, возможно, нет. Отец расстроился, но тут же принялся расспрашивать о сопернике. Александр рассказал о возможной замене, не вдаваясь в подробности переговоров.

— После боя когда домой? – спросила мать.

— Через несколько дней. Может, немного задержусь, если по работе будет что обсудить.

— Ты там поаккуратнее!

Она не уточнила, что имеет в виду: дорогу, чужую страну или сам поединок. О боях сына мать старалась говорить как можно меньше. Первое время смотрела их в прямом эфире, потом перестала. Теперь ждала сообщения, а записи открывала лишь тогда, когда знала результат.

— Завтра в Киото хочу съездить. Фотографии пришлю.

— Это где старинные храмы?

— Да. Посмотрю, куда успею.

Отец вспомнил какой-то фильм о японских мечниках, название которого они втроём так и не смогли восстановить. Разговор перешёл на детство Александра. Дома до сих пор лежал деревянный меч, выструганный отцом из берёзовой доски, когда сыну было лет девять. Меч

получился тяжёлым, с грубой рукоятью, и совсем не походил на японский, но Александр с ним почти не расставался целое лето. Однажды разбил стекло в теплице, после чего меч на неделю исчез. Отец утверждал, что оружие было изъято за нарушение правил безопасности.

— Ладно, мам, пап, пойду спать. Завтра рано вставать.

— Обнимаем тебя, сынок.

— И я вас. До завтра.

Он положил телефон на тумбочку, подключил зарядный кабель и ещё некоторое время лежал, глядя в потолок. Бывать дома получалось реже, чем хотелось. После турнира следовало хотя бы неделю провести с родителями и помочь отцу на даче: тот уже заказал доски для веранды и, конечно, собирался управиться с ними один. Александр решил ничего не говорить заранее, а просто приехать.

* * *

20 марта 2025 года. Киото

Поезд тронулся так плавно, что Александр заметил движение только по поплывшей за окном платформе. Он устроился у стекла, поставил небольшой рюкзак под ноги и достал купленный на вокзале обед.

Перед отъездом Виктор Андреевич заставил его взвеситься, осмотрел старую ссадину на голени и отпустил с напоминанием не опаздывать на обратный поезд. Александр надел механические часы, привезённые из дома: сегодня хотелось хотя бы изредка смотреть на время, не доставая телефон. До Токийского вокзала добрался без приключений. Билет, схема метро и список мест лежали в телефоне, остальное он решил выбирать на месте. Обратный поезд уходил около девяти вечера, о чём тренер уже знал.

За окном городская застройка уступала место полям, вдали показывались горы. Александр попытался читать, но через несколько страниц отложил книгу.

Японской историей он увлекался со школы, бессистемно: сёгуны, междоусобицы, самураи, происхождение боевых искусств. Чем больше читал, тем менее убедительными казались экранные легенды о воинах, живших исключительно по законам чести. Настоящие люди в любой стране бывали и храбрыми, и осторожными, и расчётливыми, а иногда один и тот же человек успевал побывать всеми тремя. Хуже всего он знал Японию до эпохи сёгунов: от старой книги о Киото осталась только картинка, женщина в длинных одеждах за поднятой занавесью и человек, склонившийся над листом бумаги. Тогда он перелистнул страницу. Теперь захотелось найти хоть какие-то следы той, почти неизвестной ему страны.

Впрочем, рассуждать о средневековье, сидя в скоростном поезде с горячим кофе, было легко: стакан в его руке держался на электричестве, водопроводе, транспорте и чужом труде, о которых он, как все, обычно не задумывался.

К Киото он прибыл уже после полудня.

Город встретил его шумом и прохладным воздухом. Вокзал оказался огромным, многоуровневым, с такой системой переходов, что первые десять минут Александр потратил на поиски нужного выхода. Когда наконец оказался на улице, пришлось снова открыть карту.

День был праздничным: в Японии отмечали весеннее равноденствие, и людей в популярных местах оказалось больше, чем он ожидал. Александр ходил по улицам, рассматривал старые здания, останавливался у витрин небольших лавок. В одной купил два маленьких подарка для родителей, в другой задержался у стенда с историческими фотографиями.

На узкой улице ему встретилась семья с двумя детьми. Старший мальчик, лет семи, заметил Александра и, продолжая идти рядом с матерью, несколько раз обернулся. Наконец он вытянул руку над собственной головой, показывая рост незнакомца. Мать быстро опустила его руку и виновато улыбнулась. Александр присел на корточки и тоже улыбнулся мальчику. Теперь они оказались примерно на одном уровне. Ребёнок пришёл в восторг.

Через несколько минут он отправил матери фотографию деревянной улочки. Она ответила сердечком. Про подарки он решил пока не писать: пусть будет сюрприз.

Ближе к четырём он устал от людных мест. Хотелось увидеть что-нибудь, где не придётся ждать, пока несколько десятков человек сделают одинаковые фотографии. Он устроился на скамье, выпил воды и просмотрел карту восточной части города.

Среди небольших святилищ на лесистом склоне его внимание привлекло одно с необычным названием – Химукай-дайдзингу. Оно находилось недалеко от станции Кэагэ, сравнительно близко к местам, которые он уже посетил. На фотографиях были видны каменные ступени, деревья, деревянные строения без ярких красок. Особенно заинтересовал узкий проход в скале, называвшийся Ама-но-Ивато.

Александр вспомнил предание о богине солнца Аматэрасу, скрывшейся в небесной пещере: чтобы вернуть свет, остальные божества устроили перед входом весёлое представление, и заинтригованная шумом богиня выглянула наружу. Судя по описанию, одно из святилищ, связанных с этим мифом, находилось совсем рядом.

Он сверился со временем. Даже с учётом дороги до вокзала после посещения оставался запас почти в три часа. Можно было не торопиться.

* * *

От станции Кэагэ Александр пошёл вверх. Город ещё слышался за спиной: проезжали машины, где-то хлопнула дверь, издалека донёсся голос. Однако по мере подъёма звуки становились глуше. У дороги росли деревья, за оградами виднелись крыши домов. Вскоре жилые постройки остались внизу.

В лесу оказалось прохладнее. Александр застегнул куртку. Пахло влажной землёй, прошлогодней листвой и корой, на ветвях ещё не распустились почки, но среди бурой подстилки уже пробивалась зелень.

Перед воротами святилища он остановился. Через такие ворота, насколько помнил, принято было проходить с уважением, слегка поклонившись. Александр не принадлежал к синтоистской традиции, однако не видел причины пренебрегать местными обычаями. Он поклонился и пошёл дальше.

На территории святилища было почти безлюдно. От одной из построек спускались две женщины, разговаривавшие вполголоса. Александр посторонился, пропуская их. Одна благодарно наклонила голову, другая продолжала что-то рассказывать. Затем обе скрылись за поворотом.

Простота деревянных построек удивила его. Дерево, камень, гравий, крыши, плотно обступивший всё это лес. Постройки казались не отделёнными от природы, а вписанными в неё.

Он достал телефон и сделал несколько снимков, потом убрал: захотелось просто побыть здесь, не превращая каждую минуту в фотографию для будущего просмотра.

Поднявшись выше, Александр заметил крупный камень. Неровная поверхность, местами покрытая мхом, выглядела так, словно он лежал на этом склоне задолго до появления первых человеческих построек. Верёвка с белыми бумажными подвесками обозначала его особое значение. Александр достал телефон, попытался разобраться с надписью. Автоматический перевод получился невнятным, но позволил выделить название – Ёго-ива.

Он обошёл камень. В Хабаровском крае ему доводилось видеть немало огромных валунов, и этот сам по себе не впечатлял. Однако здесь поколениями приходили к нему, совершали обряды, оставляли знаки почтения, и люди, жившие задолго до рождения Александра, стояли, вероятно, почти на том же месте.

Он протянул руку и положил ладонь на открытый участок камня, не трогая верёвку и бумажные подвески. Хотелось ощутить его настоящую древность, если о возрасте вообще

можно судить подобным образом. Камень был холодным, с мелкими выступами, неприятно врезавшимися в кожу у основания пальцев.

Александр простоял так несколько секунд. Никаких необычных ощущений не возникло. Он убрал руку и продолжил подъём.

Каменный проход Ама-но-Ивато оказался значительно скромнее, чем представлялось по фотографиям. Низкий вход в скальном массиве, рядом небольшое священное сооружение. Снаружи было достаточно светло, но внутри с первого взгляда мало что различалось. Александр остановился у входа, прислушался. Никаких голосов. Только ветер в кронах.

В прочитанном им описании говорилось, что через проход можно выйти с другой стороны. По местному поверью, прохождение очищало человека от несчастий. Александр усмехнулся. На всякий случай стоило воспользоваться возможностью: до воскресного поединка оставалось три дня, и от лишних неприятностей он охотно избавился бы.

Достав телефон, он проверил время: 18:00. Внизу город ещё не погрузился в сумерки, но в лесу свет заметно ослабел. Александр включил фонарик и посветил под ноги. Проход был тесным.

Первые несколько шагов сделал пригнувшись. Под подошвой скрипнула мелкая каменная крошка. Стены приближались, и ему пришлось чуть повернуть плечи. Он держал телефон перед собой, направляя свет на неровный пол.

Когда впереди показался бледный просвет, экран успел погаснуть, оставив включённым фонарик. Александр коснулся его большим пальцем. На мгновение высветились цифры: 18:01.

В этот момент ему заложило уши.

Ощущение было знакомым по самолётам, только теперь оно возникло внезапно, без какого-либо движения вверх или вниз. Александр сглотнул. В правом ухе тихо щёлкнуло. Одновременно свет телефона дрогнул — или ему так показалось. Он остановился и опёрся свободной рукой о стену.

Под пальцами чувствовался обычный холодный камень. Голова не кружилась, ноги слушались. В груди не было ни боли, ни тяжести. Он постоял немного, прислушиваясь к собственному дыханию, затем двинулся дальше. Выйти наружу оставалось совсем недалеко.

Сделав последний шаг, Александр выпрямился и машинально выключил фонарик.

Первое, что его удивило, – запах. Вместо знакомого слабого запаха влажной земли воздух был насыщен запахом дыма, старой древесины и сырого леса. Он оглянулся. Каменный проём находился за спиной, но площадка перед ним выглядела иначе. Там, где он ожидал увидеть обустроенную дорожку, поднимались толстые корни деревьев. Чуть дальше среди кустов лежал сломанный ствол. Земля была неровной, усыпанной ветками и листьями.

Александр сделал несколько шагов вперёд. Может быть, он вышел на неухоженную сторону святилища? Поднялся на небольшой бугор, надеясь разглядеть крыши деревянных построек. Ни одной крыши не было видно.

Он обернулся к скале. Только теперь заметил, насколько по-другому выглядит окружающий лес. В нескольких метрах от выхода росло огромное дерево, которого он совершенно не помнил по дороге наверх. Впрочем, он ведь подошёл с другой стороны. Вероятно, просто потерял ориентировку.

Александр открыл карту на телефоне. Привычный синий кружок не появился. В верхней части экрана не было ни одной полоски мобильной связи.

— Замечательно, – пробормотал он.

Убрал телефон в карман, прислушался и нахмурился. Лес был полон звуков: шелестели ветви, где-то перекликались птицы. Но за ними не слышалось ни далёкого шума автомобилей, ни голосов людей, ни привычного гула большого города.

Он ещё раз окинул взглядом склон. Между стволами сгущались сумерки.

Тропы, по которой можно было бы вернуться к станции, не было.

Глава 2. По другую сторону камня

Александр вернулся к выходу из прохода и ещё раз осмотрел площадку. Слишком уж мало здесь было места для ошибки. Входил он со стороны святилища, двигался практически по прямой, а значит, достаточно проделать обратный путь, чтобы оказаться там, откуда пришёл. Даже если за скалой начинался совершенно дикий участок леса, ничего удивительного в этом не было бы.

Внутри пришлось снова включить фонарик. Он шёл медленнее, чем в первый раз, внимательно рассматривая стены. На одном из поворотов заметил светлую прожилку в камне, напоминавшую растопыренные пальцы. Почему-то захотелось запомнить её. Если бы проход разветвлялся, подобные приметы пригодились бы, но никаких боковых ответвлений Александр не обнаружил.

Выбрался наружу и остановился, не успев распрямить спину.

Святилище исчезло.

На месте небольшой площадки перед входом лежали опавшие ветви. Чуть ниже склона между деревьями тянулся неровный уступ, по которому стекала вода. Ни ограды, ни ступеней, ни деревянного сооружения, мимо которого он прошёл несколько минут назад. Александр посветил вправо, затем влево, хотя сумерки ещё позволяли различать предметы без фонарика. В луче мелькнуло что-то белое. Он приблизился и обнаружил обломанную ветку со свежей, почти светящейся на фоне коры древесиной.

Ещё раз он прошёл проход, уже в обратную сторону, и вышел в тот же тёмный лес, только с другого конца. У светлой прожилки остановился и постоял, дожидаясь знакомого щелчка в ушах. Ничего не произошло. Только затекла шея от неудобной позы.

Снаружи заметно стемнело. Александр присел на выступавший из земли корень, открыл на телефоне недавние фотографии и нашёл снимок, сделанный в святилище. У края изображения виднелась часть каменного массива. Он поднял голову. Контур скалы был похож, хотя точного совпадения добиться не удалось: мешали деревья. Перелистнул несколько фотографий. На одной запечатлелась крыша, на другой – гравийная дорожка, третья была сделана у ворот. Снимки существовали, время их создания отображалось на экране. Следовательно, по крайней мере ему всё это не приснилось.

Он набрал номер Виктора Андреевича. Телефон попытался установить соединение и почти сразу сбросил вызов. Не отправилось и сообщение матери. Александр убрал аппарат, посидел немного, затем достал вновь. Без связи оставалась надежда на спутниковую навигацию, которой мобильная сеть сама по себе не требовалась. Он положил телефон экраном вверх на колено и подождал. Приложение долго не могло определить его местоположение. На загруженном фрагменте карты оставалась последняя известная точка – восточная окраина Киото, недалеко от святилища. Александр подождал ещё немного, но нового положения телефон так и не показал.

Старая отметка ничего не говорила о том, где он находится сейчас. Впрочем, под густыми кронами при таком рельефе отсутствие нового сигнала само по себе ещё не означало ничего невероятного.

Александр поднялся. Непонятно, что произошло, но оставаться в лесу до утра не хотелось. Нужно выйти к людям, найти дорогу, а уже потом разбираться с исчезнувшими постройками. В конце концов, он находился не в Сихотэ-Алине, где можно пройти полдня и не встретить человека. Под склоном должен был располагаться большой город.

Далеко внизу, между деревьями, он заметил слабый красноватый свет. Чуть позже ветер донёс запах дыма. Александр застегнул куртку до подбородка и пошёл в ту сторону.

* * *

Спуск оказался неприятным. Земля под листьями была скользкой, а в темноте трудно было оценить высоту уступов. Один раз Александр едва не подвернул ногу и после этого стал двигаться осторожнее, ругая себя за нетерпение. Меньше всего ему сейчас нужна была травма голеностопа. Он ещё продолжал думать о воскресном поединке и мысленно прикидывал, сколько времени понадобится, чтобы добраться до вокзала.

Лес постепенно редел. Александр вышел к неглубокому ручью, пересёк его по камням и увидел на противоположном берегу тропинку. Здесь явно ходили люди. В грязи сохранились многочисленные следы ног, совсем мелкие и покрупнее, а у самой воды валялась связка тонких прутьев.

Он выключил фонарик. В темноте, к которой уже успели привыкнуть глаза, впереди различалось оранжевое пятно. Подойдя ближе, Александр обнаружил невысокую постройку под толстой кровлей. Рядом горел небольшой огонь. Кто-то возился возле него, помешивая содержимое сосуда длинной деревянной палочкой.

— Добрый вечер! – по привычке окликнул Александр и тут же поправился: – Конбанва!

Это было почти всё, что он знал по-японски, не считая «спасибо» и названия супа.

Человек у огня резко обернулся. Это была женщина, довольно молодая, в одежде из грубой сероватой ткани. Она застыла с палочкой в руке, не сводя с Александра глаз. У её ног сидел ребёнок лет пяти или шести. Мальчик тоже повернул голову, но испугался, видимо, не сразу: с интересом разглядывал незнакомца и только потом, заметив выражение лица матери, вскочил.

Дым стлался под кровлей и пах сырой древесиной. Из сосуда тянуло варёной зеленью и чем-то солоноватым, рыбным. Александр заметил, что женщина не носила обуви, а на ногах ребёнка засохла земля. Ткань её одежды была неровной, с заметными узелками нитей; в свете огня она казалась то серой, то коричневой. Женщина не отвела взгляда, но задвинула мальчика себе за спину.

Александр остановился, чтобы не подходить без приглашения.

— Сумимасэн. Киото? Эки? – Он указал вниз по склону. – Station? Train?

Женщина отступила. Мальчика она потянула за собой с такой поспешностью, что тот споткнулся. Из темноты возле постройки появился мужчина, босой, с охапкой хвороста. Увидев Александра, он выронил её и выкрикнул несколько слов.

— Да спокойно вы! – вырвалось у Александра по-русски. Он поднял обе руки, показывая пустые ладони.

Мужчина заговорил снова, теперь громче. Некоторые звуки казались знакомыми по речи людей, которых Александр встречал в Токио, однако ни одного слова выделить не удавалось. Он улыбнулся, поклонился, достал телефон, намереваясь показать карту. Реакция оказалась совершенно неожиданной. Женщина издала короткий крик, мужчина вскинул руки, закрывая собой ребёнка.

Экран светился в темноте ярче, чем представлялось самому Александру. Он перевёл взгляд с экрана на испуганных людей и убрал телефон в карман.

— Хорошо, всё. Не надо.

Из соседнего строения вышел пожилой человек с длинной палкой. За ним показались ещё двое. Они переговаривались между собой, не подходя близко. Александр вдруг понял, что всех беспокоит не только его неожиданное появление. Они разглядывали его одежду, голову, руки. Один из мужчин жестом указал на обувь. Другой вытянул шею, стараясь увидеть, что находится у Александра за спиной.

Неужели съёмки? Историческая деревня? В Киото снимали фильмы, а некоторые костюмированные представления могли проводиться в весьма неожиданных местах. Александр готов был поверить в любую подобную версию. Однако никаких осветительных приборов, камер или технических сооружений поблизости не было. Дым поднимался из-под навеса и стелился над землёй. Одежда людей выглядела не театральной, а просто грязной и поношенной. У старика были потрескавшиеся губы, на голени мужчины темнела плохо зажившая царапина. От жилья пахло сырым деревом, золой и чем-то кислым.

Александр показал на тропу, по которой пришёл, потом на себя и развёл руками. Старик некоторое время наблюдал за ним, затем указал в сторону огня. Возможно, предлагал подойти. Александр сделал шаг. Мужчина с хворостом тут же закричал, и старик раздражённо прикрикнул на него.

Возле огня стоял небольшой низкий деревянный сосуд с водой. Старик подвинул его к незнакомцу концом палки. Александр кивнул с благодарностью, но пить не стал: в рюкзаке оставалась бутылка. Достал её, отвинтил крышку и сделал несколько глотков. Старик не отрывал глаз от его рук, пока тот откручивал крышку, и даже наклонился вперёд.

Пластик хрустнул, когда Александр сжал её. Мальчик, выглядывавший из-за матери, улыбнулся. Александр повторил движение и получил в ответ тихий смешок. Мать немедленно отдёрнула ребёнка.

Это была первая понятная ему человеческая реакция с тех пор, как он вышел из скалы.

Старик заговорил с мужчиной. Тот выслушал его, бросил взгляд на Александра и поспешно ушёл по тропе. Остальные остались на своих местах. Старик опять указал на огонь и опустил ладонь, словно приглашая сесть. На этот раз никто не возражал.

Александр снял рюкзак, устроился на корточках чуть поодаль и постарался улыбнуться как можно приветливее. Сидеть, вытянув ноги, было бы удобнее, но он не знал, какие здесь

приняты правила. До сих пор ему казалось, что знание нескольких японских слов поможет хотя бы найти станцию. Теперь он не был уверен даже в том, что правильно объяснил этим людям, откуда пришёл.

* * *

Мальчика, кажется, звали Хару: женщина несколько раз обращалась к нему этим коротким словом. Ребёнок оказался любопытнее взрослых. Постепенно он приблизился настолько, что смог рассмотреть шнурки на ботинках Александра, и присел, почти упираясь коленями в подбородок.

Александр пошевелил ногой. Мальчик отшатнулся, затем снова подался вперёд. Тогда Александр наклонился, развязал один шнурок и завязал обратно. Мальчик проследил за бантиком с благоговением, как за фокусом. У ребёнка загорелись глаза. Он протянул руку, но, прежде чем коснуться ботинка, бросил взгляд на мать. Та покачала головой. Мальчик послушался.

Старик наблюдал за этой сценой уже без прежнего напряжения. Он произнёс что-то, указав пальцем на собственную грудь. Александр не разобрал. В ответ назвал себя:

— Александр.

Старик повторил только начало, не справившись с остальными звуками. Александр попытался упростить:

— Саша.

Это оказалось легче. Мальчик негромко повторил за ним. Женщина удивлённо посмотрела на сына, но на этот раз не стала его одёргивать.

Александр вынул из рюкзака купленный на вокзале пакет с остатками еды. Бумага зашелестела. Мальчик вытянул шею. Александр подумал было угостить его, однако передумал: неизвестно, как отнесутся родители к пище из рук чужестранца. Он положил пакет обратно. Он и сам проголодался, но всё чаще думал о времени.

Прошло уже немало минут с тех пор, как мужчина ушёл. Возможно, он отправился за человеком, знающим английский. Или за полицейским. Последнее устроило бы Александра даже больше.

Вскоре со стороны тропы действительно послышались голоса. Старик поднялся. Женщина взяла мальчика за руку и увела к постройке. Александр тоже встал, надел рюкзак и отряхнул ладони.

Сначала появился тот самый мужчина, который уходил от огня. За ним шли четверо незнакомцев. У двоих были факелы. Один нёс длинный лук, заметно превосходивший привычные Александру спортивные луки по размеру. У другого на боку висел меч. Его ножны покачивались при ходьбе, удерживаемые двумя подвесами. Одежда прибывших была лучше, чем у людей возле огня, а держались они иначе. Даже старик, до сих пор разговаривавший со всеми достаточно свободно, теперь согнулся в почтительном поклоне.

Первым заговорил мужчина с мечом. Он был примерно одного возраста с Александром, может быть, немного старше, с широким лицом и волосами, убранными под тёмный головной убор. Ростом не доставал Александру до подбородка, но выглядел крепким. Его спутники расположились по сторонам, внимательно следя за незнакомцем.

Александр поклонился.

— Конбанва. Я турист. Tourist, understand? Russian. Russia.

Мужчина выслушал, не меняя выражения лица. Потом указал на рюкзак и произнёс короткую фразу. Александр решил, что его просят показать содержимое, и медленно снял рюкзак. Один из людей с факелом подался назад. Предводитель резче повторил фразу и указал на землю.

Голоса у вооружённых людей были совсем не одинаковы. Тот, что распоряжался, почти не повышал своего; стоявший позади него человек выкрикивал слова с той резкостью, которая

у Александра ассоциировалась скорее с испугом, чем с уверенностью. Между приказанием и исполнением порой проходило несколько мгновений: младшие косились на старшего, ожидая не нового слова, а едва заметного движения головы.

Александр поставил рюкзак у ног. Ему очень не нравилось происходящее. В Японии существовали строгие правила относительно ношения оружия, и если перед ним были сотрудники какого-то исторического комплекса, они вели себя совершенно не так, как положено сотрудникам. Если же это были люди, действительно вооружённые мечами и луками, ситуация становилась ещё менее приятной.

Он поднял ладони и попытался объяснить, что ему нужна помощь. Указал на телефон, на тропу, произнёс несколько английских слов. Предводитель взглянул на одного из спутников и что-то приказал. Тот подошёл к Александру сбоку, схватился за рукав куртки и потянул его вниз.

Александр машинально высвободил руку.

— Не надо меня хватать. Я же стою спокойно.

Спутник предводителя отскочил, словно его ударили. Он что-то возмущённо выкрикнул. Александр хотел показать, что готов сотрудничать, но не успел: второй человек приблизился с другой стороны и попытался завести ему руку за спину. Движение было столь неожиданным, что тело отреагировало прежде, чем Александр осмыслил происходящее. Он повернулся, освободился от захвата и отступил.

Предводитель положил ладонь на рукоять меча.

Это подействовало лучше любого приказа. Александр замер. Намерения этих людей оставались непонятны, зато последствия сопротивления вооружённым людям он представлял прекрасно. На ринге существовали правила, судья, врачи. Здесь не было ничего подобного. Даже самый неумелый человек с настоящим клинком представлял опасность, не говоря о том, кто привык носить оружие.

— Ладно, – произнёс он негромко. – Давайте без глупостей.

Он снова поднял руки. Но человек, от которого Александр только что освободился, воспринял это иначе. Подскочив, тот обеими руками толкнул его в грудь. Александр качнулся на скользкой земле, удержал равновесие и едва успел заметить, как другой замахивается короткой палкой, до этого скрытой за спиной.

Дальнейшее заняло несколько секунд. Александр ушёл от удара, столкнулся плечом с нападавшим, и тот, не удержавшись на ногах, тяжело сел на землю. Второй, тот, что только что толкал его, бросился на Александра, попытался обхватить за пояс, но тоже оказался внизу. Александр отступил, не продолжая схватки. Палка покатилась к огню. Один из факелов упал и погас, рассыпав по влажной земле несколько искр.

На площадке стало значительно темнее.

Предводитель обнажил меч не полностью, но Александр увидел полоску металла. Лучник, стоявший позади, перестал выглядеть простым наблюдателем. Александр почувствовал, как неприятно похолодело под курткой. От двух человек он сумел освободиться благодаря привычке к близкому физическому контакту, однако теперь любое движение могло быть понято как начало нового нападения.

— Стоп!

Он громко произнёс слово, которое, как надеялся, хотя бы по интонации будет понятно всем, и медленно опустился на одно колено. Мелкий камень сразу впился в колено: Виктор Андреевич вряд ли одобрил бы такой способ беречь себя перед боем. Показал пустые ладони, затем положил их на бёдра. Смотреть на людей снизу вверх было непривычно, зато теперь он меньше возвышался над окружающими.

Некоторое время никто не двигался. Человек, сидевший ближе к огню, болезненно морщился. Второй уже встал и, прихрамывая, перебрался к товарищам. Александр взглянул на

первого. Тот держался за локоть. Упав, он, вероятно, сильно ударился. Когда предводитель немного опустил руку, Александр осторожно указал на пострадавшего, затем на себя и протянул ладонь.

Мужчина с мечом не ответил. Зато старик неожиданно выступил вперёд. Он говорил быстро, обращаясь то к предводителю, то к человеку на земле, и несколько раз указал на Александра. В его голосе слышалось нечто похожее на возмущение. Возможно, он объяснял, что незнакомец не трогал никого из жителей.

Александр дождался, пока лежавший посмотрит на него, и ещё раз протянул руку. Тот колебался. Потом ухватился здоровой рукой за его ладонь. Александр помог ему подняться и отпустил сразу, как только мужчина обрёл опору. Пострадавший с недоумением посмотрел на собственную руку, потом на Александра. Видимо, ожидал, что тот воспользуется случаем и сделает что-нибудь ещё.

Предводитель медленно задвинул меч в ножны. Заговорил с товарищами, причём человеку, попытавшемуся ударить палкой, досталось особенно много слов. Александр не понимал их, но тон был хорошо знаком по тренировкам, когда Виктор Андреевич объяснял кому-нибудь, что инициатива без головы хуже полного бездействия.

На всякий случай он продолжал стоять неподвижно. Сердце колотилось, как после трёх раундов без передышки, а в пальцах не сразу вернулась чувствительность.

* * *

Когда стало ясно, что нового столкновения не будет, человек с мечом указал на рюкзак. Александр поднял его и расстегнул молнию. Наблюдатели вздрогнули от непривычного звука. Он выложил на землю бутылку, пакет с едой и небольшую бумажную упаковку с купленными подарками. Затем достал паспорт.

— Вот. Александр Громов. Российская Федерация.

Предводитель приблизился. Не решаясь взять документ, он наклонился над раскрытой страницей. Александр показал на фотографию, потом на своё лицо. Мужчина внимательно изучил изображение. Посмотрел на Александра, вновь на фотографию и негромко позвал одного из спутников. Александр подумал, что на паспортных фотографиях никто не похож на себя, и возражать по существу не стал. Тот поднёс факел ближе. Они долго разглядывали страницу, но ни один не попытался прочитать напечатанный текст.

Александр закрыл паспорт. Его вдруг охватило совершенно нелепое желание встретить хотя бы одного человека, способного попросить у него документ по обычной полицейской процедуре. Он с удовольствием предъявил бы обратный билет, бронь гостиницы, подтверждение участия в турнире. Готов был даже заплатить штраф, если случайно нарушил какое-то местное правило. Только бы всё снова стало понятным.

Предводитель указал на рюкзак, велев, по всей видимости, собрать вещи. Александр не стал спорить. Уложил всё обратно, оставив паспорт во внутреннем кармане куртки. Затем мужчина показал на тропу, по которой пришёл, и сделал приглашающее движение рукой.

Александр указал в том же направлении.

— Киото?

Ответ состоял из нескольких слов. Одно прозвучало примерно как «мияко». Александр смутно помнил, что по-японски так могли называть столицу. Это обнадёжило. Если его действительно собирались отвести в город, сопротивляться не имело смысла.

Он обернулся к старику, поклонился ему и поблагодарил. Мальчик вновь показался у входа в жилище. Александр помахал ему рукой. Ребёнок вопросительно посмотрел на мать. Та не возразила, и он помахал в ответ, а потом вдруг сорвался с места, подбежал и сунул Александру в ладонь гладкий речной камешек, ещё тёплый от руки. Прежде чем кто-нибудь успел его остановить, мальчик юркнул обратно. Александр спрятал камешек в карман куртки и ещё раз поклонился всем сразу.

Один из прибывших поднял с земли палку и встал позади Александра. Лучник пошёл первым, человек с мечом – рядом. Связывать руки незнакомцу больше не пытались. Возможно, сочли это излишним, а возможно, просто не захотели повторять недавний опыт. Александр был благодарен им за это. Он всё ещё надеялся, что через час окажется среди нормальных городских улиц и сможет наконец позвонить тренеру.

Тропа спускалась к равнине. В свете факела Александр различал землю лишь на несколько шагов вперёд и держался вровень с сопровождающими. На ровном месте стало легче. Вскоре появились обработанные участки земли, узкие канавы и тёмные силуэты построек. Где-то залаяла собака. Издали доносились человеческие голоса.

Александр всматривался в пространство за ближайшими крышами, ожидая увидеть хотя бы слабое зарево над современным городом. Киото, даже не самый большой город страны, не мог исчезнуть в ночной темноте. Обязательно должны были гореть фонари, вывески, окна домов, автомобильные фары. Но над равниной стояло тёмное небо, на котором одна за другой проступали звёзды. Лишь в нескольких местах вдалеке мерцали крошечные огни, похожие на тот, возле которого он встретил старика и мальчика.

Александр остановился.

Человек с мечом заметил это и повернулся. Несколько мгновений он смотрел на чужестранца, затем указал вперёд и что-то сказал. В его голосе уже не было прежней резкости.

Александр кивнул и пошёл следом. Он больше не пытался объяснить окружающим, что опаздывает на поезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.